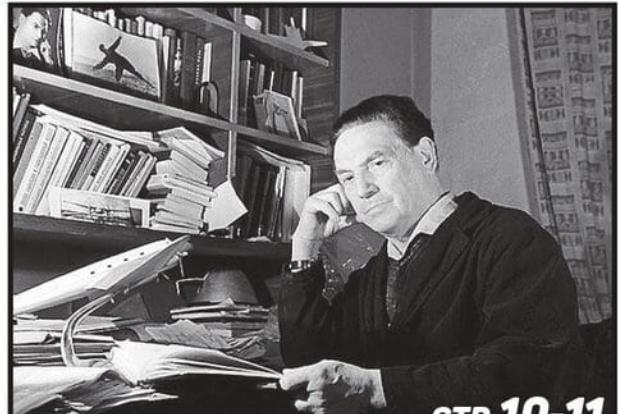

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ЕДИНСТВЕННАЯ РОСКОШЬ

стр. 4-5

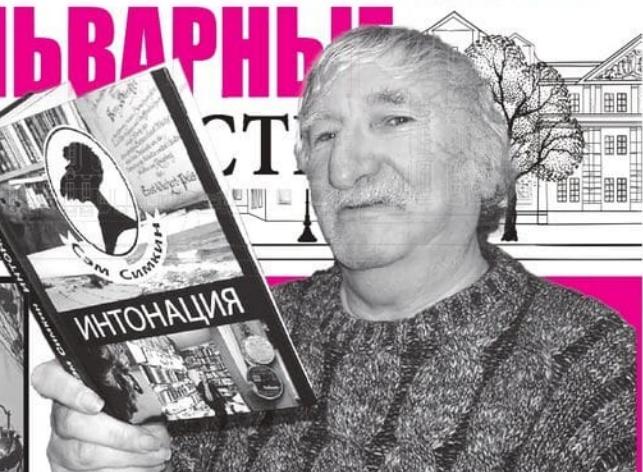
стр. 10-11

БАРТИНИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№49 (182)
ДЕКАБРЬ 2023

Бульварные СТИ

КАК РАВНЫЙ
С РАВНЫМИ О РАВНЫХ
стр. 6-9

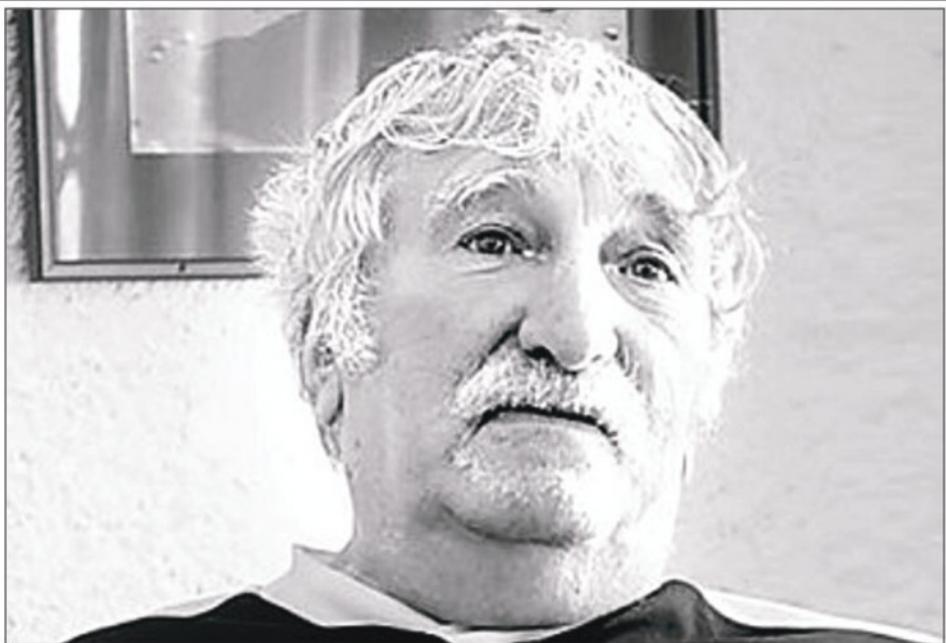

СВОЯ КОЛЕЯ РОКА
БРИННЕРА
стр. 20

стр. 14-17

ГЛАВНОЕ -
ПОСМОТРЕТЬ
НА СЕБЯ СО
СТОРОНЫ

КАК РАВНЫЙ С РАВНЫМИ О РАВНЫХ

Геннадий Норд

В маленьком городе Зеленоградске, с одного конца которого до другого можно дойти за час, сложно выделить центр и окраину, однако иногда я «иду в центр», для чего выхожу на улицу Московскую и прохожу мимо памятника поэту, члену Союза писателей Северной Америки Семёну Симкину.

И обязательно минут двадцать постою перед изображением моего старого друга и мысленно поговорю с ним.

Сколько же мы дружили, сколько были знакомы? Просто так не сосчитать.

Мы общались на литературных тусовках, в гостях друг у друга. По делу и без дела - просто так. К тому же Сэм был женат на моей однокурснице Ольге, и нам всегда было о чём поговорить и что вспомнить.

Имя Сэм относится к именам революционной эпохи и, по сути, является собой аббревиатуру: социализм - экономика мира.

Странно, конечно, называть свое имя политическим лозунгом, но у родителей Виленов, Владленов и Рэмов (революция + Энгельс + Маркс) это вызывало скорее восторг, чем недоумение.

Прибалтийский край, бывшая Восточная Пруссия, а ныне Калининградская область, издавна привлекал поэтов. Ритмы моря, золотистый песок дюн, тепло янтаря, свечи каштанов, таинственные мифы, средневековые замки, разнообразие национальных культур - всё это переплавлялось в поэтические строки.

Здесь творили многочисленные немецкие авторы - от Симона Даха до Иоганнеса Бобровского, здесь заложил основы литовской поэзии Кристианос Донелайтис и зародилась польская лирическая поэзия.

При поездках в Европу не миновали Кёнигсберг российские поэты от Тютчева до Маяковского.

В первую мировую войну здесь сражался Николай Гумилёв, а в победном

сорок пятом заканчивал свою знаменитую поэму Александр Твардовский.

В 1963 году здесь побывал Иосиф Бродский, создавший так называемый «кёнигсбергский цикл».

В послевоенные годы ряды поэтов пополнили бывшие фронтовики, моряки-балтийцы и переселенцы. Множество имён мог бы привести, но...

Давайте сегодня поговорим об одном.

Сэм Симкин.

Многие калининградские поэты называют его своим учителем. Ему было дано создать нации достоянием творчество поэтов, живших здесь ранее, часть своего таланта он щедро раздал переводам, не оставляя главного своего направления - создания проникновенных стихов, полных любви к морю и городу, который «подарила судьба».

Роджёный в недобре памяти тридцать седьмом году в своем родном городе сухопутном Оренбурге он еще в школе начал писать стихи и мечтал о море, заражённый романтикой Грина.

Потом был Ленинград, технологический институт, рыбный. И вот, наконец, Калининград.

В первых стихах Симкин предстал уже почти зрелым мастером. В них были и свойственная акмеистам точность, и экономия слова, и пристальное внимание к деталям.

Наша дружба с ним началась с первой же встречи. Я сразу проникся любовью к его стихам, как только он их прочёл мне. Я тоже писал стихи. И тоже читал ему. Но это было намного позже.

А в ту пору, когда Сэм приехал в Калининград, он еще не знал, как ему повезло с местом, не знал всех красот и истории этого края, не знал живущих здесь писателей. Именно в тот 1960 год и была создана здесь писательская организация.

А тогда я еще ходил пешком под стол.

Сэм стал посещать молодёжное литературное объединение, которое было создано при газете «Калининградский комсомолец». Руководил им молодой поэт Владимир Корниенко. Дерзкий трибун, сторонник поэзии москвичей-шестидесятников, но даже и он, строгий ценитель, услышав стихи Сэма, восхлипнул:

- Вот он пришёл, поэт, о котором сколько все заговорят.

Люди высоко оценили стихи Сэма, но те, в руках которых были издательство и газеты, придерживались других ориентиров. Стихи эти тяжело пробивались в печать. Даже явно «патриотическое» стихотворение «1200» вызвало неприятие. В газете его сняли из полосы, придавивши к строчкам: «прихожу на братские могилы, как на товарищеский суд» и «высоко и далеко от поднимающего знамя до развернувшего его». Что это за суд у вечного огня! Вы что хотите показать, что нам далеко до героев революции!

Обвиняли Сэма в излишней книжности. Повод был, его ранние стихи были «от литературы». Написаны они были не о героях пятилеток, героями их были Бабель, Блок, Казимодо....

Сэм никогда не был диссидентом, чурался политических споров, но как писал Корниенко, «убили по словам», понимали, что не из их стих, власть предержащие в литературе, местные «мэры» и издатели.

В те годы Сэм жил бесшабашной жизнью поэта. На окраине города снимал комнату. Столы книг там заменили кровать. На бельевых верёвках были подвешены листы, исписанные стихами.

О жизни в те годы много существует легенд и мифов. Часть из них была основана на реальных событиях.

Так, в одну из ночей он приехал к своему другу, писателю Олегу Глушкому на мусоровозке и убеждал поехать в Москву, при этом шофёр подтверждал, что готов отвезти их.

В другой раз, ночью, привёз к Глушкому бездомную беременную калмычку, чтобы она временно пожила у Олега.

Ещё одно событие тоже реальное: когда он написал стихи о верблюде, то ночью пробрался в зоопарк и читал их двугорбому герою своих виршей.

Из флотских его приключений запомнились кубинские. В Гаване, куда часто заходили наши рыбаки-траулеры (на одном из них Сэм работал рыбмастером), влюбился в королеву красоты, устроил праздник в самолёте, который чартерным рейсом доставлял рыбакские экипажи из дальних заграниценных портов. Потом приехал замминистра разбираться, спасибо, что оказался

высокий чиновник любитель поэзии, ему стихи Сэма приглянулись.

Стихи Сэма заметили и высоко оценили на Всеобщих конференциях и семинарах, они стали появляться в литературных журналах и газетах.

Но их упорно старались не издавать в Калининграде.

Сэм окончил рыбный институт, и море стало главным источником его поэзии. Это был счастливый подарок судьбы. Море ворвалось в его позицию свежим дыханием, оно подсказывало ритм, ошеломило, заворожило. Уже после первого рейса он привез такие стихи, в которых слово просто лилось:

Мне вверена была бригада матросов. В этом была соль. А сились стройные фрегаты и сиялась девочка Ассоль.

Он писал с восторгом о том, что для поэта море - стихия свободы, он уверял: «Быть денно и нощно, и страшно к дыханию моря причастным - так братство морское велит».

Тяжелый труд на судах рыболовецкого флота не пугал его:

... трижды горел на работе под шум корабельных винтов, за дух процветанья на флоте к любым испытаниям готов...

... Ведь флот он тоже как искусство, он требует всех жертв сполна, и на листках морской капусты напишут наши имена...

Флотские байки и флотский жаргон входили в его позицию легко и свободно. В морских стихах было у Сэма и достаточно юмора, и хватало иронии. А главное, появилась своя интонация. Его стихи легко заучивались.

Я встречал многих людей, в том числе, и моряков с промысловыми судами, любителей поэзии, которые читали эти стихи наизусть, даже не зная фамилии автора.

Море было и в годы СССР единственной возможностью вырваться к относительной свободе, забыть о гонителях и цензюрах, давало возможность увидеть мир, побывать в иностранных портах.

Ведь в то время никто и мечтать не мог о том, что нам разрешат свободно выезжать в другие страны.

А поэт не может писать в клетке. Ему нужен простор и свобода, море открывало эти возможности. Эти морские стихи, сочиненные молодым поэтом, заложили основу для творчества на долгие годы. Сэм не раз возвращался к ним, сочиняя свои поэмы и сонеты, иногда целиком вставляя эти стихи в текст.

Симкину везло на встречи. Море принесло ему дружбу с Василием Максимовым, знатоком английской поэзии, по его подстрочникам Сэм начал переводить Киплинга. Его перевод знаменитого «Мандеделя» одна из безусловных удач.

Он поймал и киплинговский ритм, и образность:

По дороге в Манделей сплэз, пожалуйста, не лей,

о мечты мои как мачты затонувших кораблей...

Море дарило людей, любящих поэзию. Сэм сдружился с Михаилом Левитасом - известным капитаном, пишущим стихи. И до выхода в рейс Сэм часто общался с флотскими поэтами. Он приезжал в Балтийск, где в те годы стихи писали многие флотские офицеры и где квартиры Марка Кабакова и Никиты Сусловича были настоящим клубом поэзии. Прекрасно знавшие флотскую поэзию эти два неразлучных друга повлияли на творчество Сэма Симкина.

И всё же голос Сэма был неповторим. Его сразу оценил руководитель флотского объединения Всеволод Заров, который не раз повторял:

- Берегите Сэма.

Стихи Симкина отличались от стихов флотских поэтов большей раскованностью и юмором.

Наиболее близок Сэму был Игорь Строганов, его даже можно назвать

учителем Сэма. Морской бродяга, бич и почти легенда, Игорь часто наезжал из Москвы, превращая будни в праздники поэзии. Первое его стихотворение до войны опубликовал Маляковский, редактором его первой книги был Багрицкий. В Москве Сэм остановился в его квартире, а Игорь вывел Сэма в поэтический мир. В ЦДЛ знакомил с мэтрами: Светловым, Гамзатовым, Вознесенским...

Строганов знал и ценил поэтов своего поколения: Тихонова, Антокольского, Смелкова, Межирова. Помнил наизусть и многие стихи зарубежных классиков: Бодлера, Аполлонера, Рембо. Страганов открывал Симкину неизвестные поэтические миры. Была из-

дана книга его стихов «Моря больше, чем земли», на которую Сэм ответил точеными и не без доли юмора стихами:

Я никому бы не поверил, что моря больше, чем земли, покуда лично не проверил, куда уходят корабли. Но между строк прочтя в Гомере, что Одиссей был одессыт, я к морю,

словно к высшей мере, приговорён

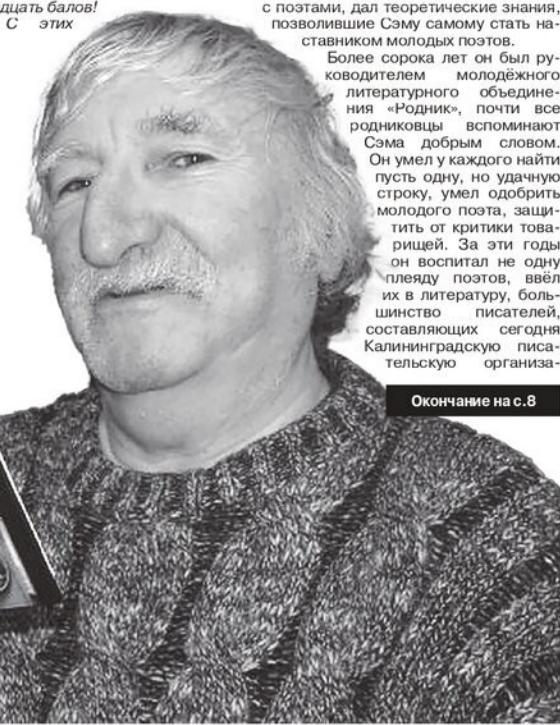
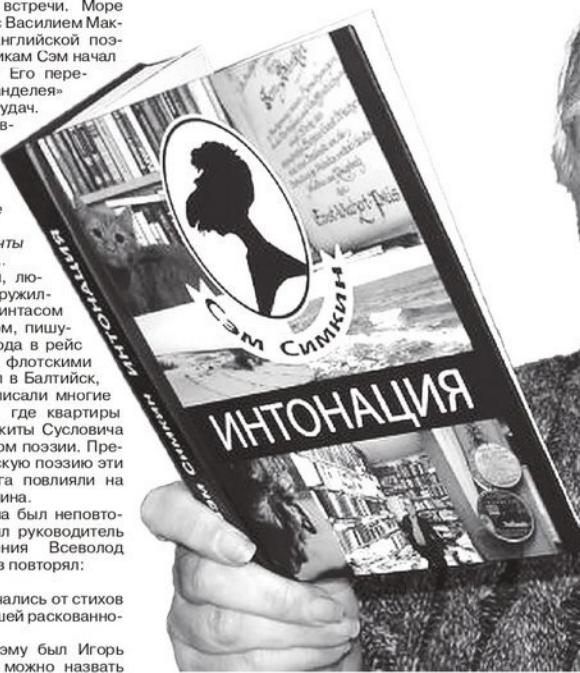
и морем съят.

Случилось сильное волненье - двенадцать балов!

С этих пор

Более сорока лет он был руководителем молодёжного литературного объединения «Родник», почти все родниковцы вспоминают Сэма добрым словом. Он умел у каждого найти путь одну, но удачную строку, умел одобрить молодого поэта, защищать от критики товарищей. За эти годы он воспитал не одну плеяду поэтов, ввёл их в литературу, большинство писателей, составляющих сегодня Калининградскую писательскую организацию.

Окончание на с.8

и приведён был в исполненье
мне вынесенный приговор.
А палуба была мне домом,
моей землёй,
моей судьбой.
Но иногда ямайским ромом
меня снабжал морской прибой.
Один глоток его,
к примеру,
поможет -
якоря поднять,
второй - взять курс,
а третий, в меру,
Гомера правильно понять.
... Ни водоросли, ни рыбы,
ни корабли, ни облака
и дня прожить-то не смогли бы
без Моря и без Рыбака.
Я никому бы не поверил,
что моря больше, чем земли,
покуда лично не проверил,
куда уходят корабли.

Строчки: «И между строк прочтя в Гомере, что Одиссей был одессыт, я к морю, словно к высшей мере, приговорён и морем съят...» - редакторыщаально вымырвали.

С Борисом Слуцким Сэм виделся всего один раз, тот, после которого появилось стихотворение Слуцкого: «Сэму Симкину хорошо, долгоносый и бойкой пташке, смехачу в ковбойской рубашке...»

Когда Сэм поступал в Литературный институт, экзаменатор, узнав, что Симкин у Слуцкого не придуманный герой, а сидит перед ним, долго удивлялся. Сэм был принят и попал в семинар Винокурова.

Главным ориентиром в творчестве Сэма и непрекаемым авторитетом был Мандельштам. Читал он его в полуплеск копиях, и для того, чтобы обладать томом его стихов, изданных в Америке, Сэм ненялся на московской поэзии, имеющей этот том.

С большими перерывами, но всётаки стали выходить у Сэма поэтические сборники. «Плавать по морю необходи», «Сад у моря», «Цвета моря», «От моря сего - сами названия говорят о преданности поэта морской тематике.

В 1982 году Сэм был принят в Союз писателей. Мне уже тогда было около тридцати, и нас принимали в Союз вместе.

Одну из рекомендаций Сэму дал классик морской литературы Виктор Конецкий.

Сэм окончил Литературный институт, который расширил круг его знакомств с поэтами, дал теоретические знания, позволившие Сэму самому стать наставником молодых поэтов.

Более сорока лет он был руководителем молодёжного литературного объединения «Родник», почти все родниковцы вспоминают Сэма добрым словом. Он умел у каждого найти путь одну, но удачную строку, умел одобрить молодого поэта, защищать от критики товарищей. За эти годы он воспитал не одну плеяду поэтов, ввёл их в литературу, большинство писателей, составляющих сегодня Калининградскую писательскую организацию.

Окончание. Начало на с.7

цию, приняты в СРП по его рекомендации.

Среди тех, кого пестовал Сэм талантливый поэт и переводчик Игорь Белов, две «королевы» калининградской поэзии Наталья Горбачёва и Жанна Астер, возглавлявший в своё время писательскую организацию поэт Сергей Погоняев, мастер психологической прозы Гусева-Рыбникова. И много других успешных авторов, в том числе, его любимые ученики поэты Александр Коутун и Валерий Батрушевич.

Сэм был создателем «Ассоциации литераторов объединений области». Благодаря ему стали регулярно выходить литературный альманах «Эхо» и журнал «Балтика».

Во многом благодаря Сэму образовалась при писательской организации детская секция. Её возглавила ученица Сэма, талантливая сказочница Тамара Тихонова, ранее вместе с ней он организовал школу искусств для младших школьников и дошкольята «Аистёнок». И главным заключительным аккордом в деле создания произведений для детей стало издание журнала «Мурр+», ставшего одним из лучших детских журналов страны.

Немало у нас встречается писателей-разрушителей, амбиции, зависть разлагают творческую среду. Сэм относился к иной категории. Он был собиратель. В свой поэтический ковчег он охотно брал способных учеников, поддерживал любую инициативу, если она объединяла увлечённых творчеством.

Сэм Симкин создал «Антологию калининградской поэзии», куда поместили и известных авторов, и родниковцев, для каждого найдя добрые вступительные слова.

В начале перестройки писательская организация стала издавать журнал «Запад России», Сэм привлек для работы в журнале талантливого художника Виктора Рябинина, вёл в журнале раздел поэзии. Первые номера выпустили тиражом десять тысяч. Все

Дом, в котором жил Сэм в Зеленоградске

дружно искали способы реализации тиража. А Сэм стал одним из организаторов продажи журнала в поездах через проводниц.

В эти годы Сэм Симкин начал переводить немецких поэтов, творчество которых было связано с Восточной Пруссиею. На эту работу вдохновил его Юрий Николаевич Иванов, калининградский писатель, долгое время

возглавлявший писательскую организацию, затем ставший председателем Фонда культуры. С его помощью Сэм Симкин налаживал связи с немецкими издательствами и контакты с наследниками авторов.

И до этого у Сэма был опыт работы над переводами. У нас ещё в советское время были наложены хорошие контакты с литовскими писателями.

Сэм обрёл друга - поэта Витаутаса Брянцюса, моряка, стихи которого были близкими по тематике и образной структуре. Была даже издана книга стихов Брянцюса в переводе Сэма Симкина. Позднее Калининградский ПЕН-центр, который возглавляет член СПСА Вячеслав Карпенко, стал издавать журнал «Параллели» на литовском и русском языках, каждому

Памятная доска на доме в Зеленоградске

номеру которого предшествовали совместные семинары молодых авторов и переводчиков. Сэм Симкин был в числе организаторов этой работы.

Но всё же большая часть его переводческой деятельности пришла на перевод поэтов, живших ранее в прусском крае. Он извлёк из забвения целый пласт авторов, восстановил связь времён. Его поэтический ковчег наполнился неизвестными ранее авторами. Он сделал их земляками. Наделил своими рифмами, соединил со своим видением мира. Одна за другой вышли книги в серии «Восточно-прусская поэзия». Творчества Эриста Вихерта, Симона Даха, Вальтера Шеффлера представило в русском обличии. Сэм был неутомим в поисках оригиналов. Он обнаружил и перевёл даже два стихотворения великого философа Иммануила Канта, чем очень гордился. Переведённые стихи собрал и издал солидным томом. Книга эта «Свет ты мой единственный» выдержала несколько изданий.

С годами поэтическая энергия Сэма не затухала, на протяжении всей своей жизни он оставался самим собой, умел заражать своими идеями окружающих, поэтической его фантазии не было предела.

В последние годы он издавал книгу за книгой, писал непрерывно: в загородной квартире в Зеленоградске, в домах творчества, в дороге, в поезде и в автобусе. Ему становились скучны традиционные формы поэзии, он пытался экспериментировать, но снова и снова возвращался к прежним ритмам, к свободе, дарованной морем.

Память о нём бережно хранят в Калининграде. В Зеленоградске, где он проводил каждое лето, тропу, по которой он ходил от дома на берег моря, сегодня называют поэтической. В начале её - памятный камень с профилем Сэма и стихами Слуцкого. А ближе к морю памятник Адаму Мицкевичу.

На дому, где жил Сэм Симкин, мемориальная доска с бронзовым парусиником.

Одна из библиотек города названа его именем.

Но главная память, оставленная поэтом, его книги, его стихи.

Библиотека имени Симкина

Скажу не ради похвальбы,
Что лез на дерево судьбы
По крупным веткам, как по вантам,
На той земле, что знала Канта.

То дерево я пользы для
Срубил на мачту корабля
И, как матрос впередсмотрящий,
Увидел: ищущий обрящет!

И предо мной открылся вид
На город наш, издревле славный,
И он стихами говорит
Как равный с равными о равных.

Памятный камень с профилем Сэма Симкина и стихами Бориса Слуцкого, г. Зеленоградск

